
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

С.В. ПАТРУШЕВ, Л.Е. ФИЛИПОВА*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ СОСТОЯНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье анализируется институциональный контекст, в рамках которого существует российская политическая наука на современном этапе ее развития. Наука в целом и политическая наука в частности рассматриваются как социальный институт и культурный феномен, состояние которого неразрывно связано с процессами, разворачивающимися в обществе и государстве. Выделен ряд институциональных факторов, влияющих на осуществление научной деятельности: формальные нормы и неформальные правила, по которым функционирует наука; профессиональные стандарты; характер взаимоотношений между наукой и государством, а также между наукой и обществом; структуры самоорганизации научного сообщества; отношения с мировой наукой. Показана специфика действия этих факторов применительно к российской политической науке.

Ключевые слова: политическая наука; политические исследования; наука и власть; наука и общество; политика; институты; институциональные факторы; регулирование научной деятельности.

Для цитирования: Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Институциональные факторы состояния политической науки в России: общая характеристика и про-

* **Патрушев Сергей Викторович**, кандидат исторических наук, руководитель отдела сравнительных политических исследований, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия); профессор, Всероссийская академия внешней торговли (Москва, Россия), e-mail: servpatrushev@gmail.com; **Филиппова Людмила Евгеньевна**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела сравнительных политических исследований, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия); доцент, Всероссийская академия внешней торговли (Москва, Россия), e-mail: ludmila_filippova@hotmail.com

© Патрушев С.В., Филиппова Л.Е., 2020 DOI: 10.31249/poln/2020.01.01

блемы // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 13–34. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.01>

Российская политическая наука за 30 постсоветских лет пережила существенные изменения, включая изменение статуса политологии, смену методологических парадигм и коренную трансформацию проблемно-предметного поля, распад интеллектуальных и организационных связей и преодоление фрагментированности научного сообщества, наращивание корпуса политических исследователей (от примерно 700 специалистов в 1980-е годы до сегодняшних более 5200, входящих в базу РИНЦ) и соответствующий рост числа научных публикаций (с 1992 по 2019 г. – 10 517 наименований в базе РГБ). Переломными оказались 1990-е годы¹, о чем свидетельствует динамика публикационной активности, включая монографии, сборники, диссертации, авторефераты диссертаций².

Рис.
**Количество русскоязычных публикаций
по политологии в РГБ**

¹ Содержательный анализ состояния российской политической науки в 1990-е годы см.: [Соловьев, 1998].

² См.: Российская государственная библиотека. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/search#yf=1992&yt=2019&s=pubyear&vc=23.00.00&l=570&q=%d0%bf%d0%be%d0%bb%d0%b8%d1%82%d0%be%d0%bb%d0%be%d0%b3%d0%b8%d1%8f> (Дата посещения: 09.11.2019.)

Политическая наука, подобно другим наукам, является процессом познания мира, производства и использования знаний, специфической формой и фактором общественного сознания, социальным феноменом и социальным институтом. Как элемент социума наука эволюционирует вместе с ним, переживая кризисы, подъемы и спады. Современный взгляд на науку представляет ее как сложный и динамичный институционализированный процесс, ее развитие сопряжено в том числе и с трансформацией собственно когнитивных процессов [Демина, 2005, с. 41].

Анализ современной науки смыкается с исследованием взаимодействия науки, техники и общества, политики и культуры, власти, собственности и управления, принятия политико-экономических решений. Российская академия наук определяет фундаментальную науку как базовый институт стратегического развития Российской Федерации¹. В частности, российская политическая наука имеет значительный потенциал для выработки ответов на современные вызовы, для участия в научном экспертном обеспечении политико-управленческих решений, внутренних и внешних аспектов политического процесса. Этим определяется специфика политической науки, которую необходимо учитывать при анализе развития науки и которая, безусловно, должна быть отрефлексирована в рамках научного самопознания. Экспертиза политических проектов является составной частью политического процесса, следовательно, в случае реализации своей экспертно-консультативной функции политическая наука не только становится фактором влияния на политику, но и сама включается в собственный предмет изучения.

В то же время особенности политического процесса в конкретном государстве одновременно и являются предметом политической науки, и формируют особый – политический – контекст ее существования, который столь же важен как собственно внутринаучный контекст и социетальный контекст. Этим политическая наука отличается от таких наук, как математика или биология, которые могут развиваться «вне политики» (хотя, как показывает история, и они далеко не всегда оказываются независимыми от политического контекста).

¹ Доклад Правительству Российской Федерации «Об итогах реализации в 2016 году Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы». – М., 2017. – Режим доступа: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=9b869b65-51a9-48a0-91b3-2a7cf2ece565> (Дата посещения: 12.10.2019.)

Текущее состояние и перспективы развития российской политической науки определяются воздействием ряда институциональных факторов, играющих позитивную или негативную роль в развитии данной области знания. Общественные науки являются отражением общества не только потому, что стремятся научным языком описать, объяснить социальную реальность, но и потому, что их внутреннее устройство, принципы функционирования, характер взаимоотношений внутри научного сообщества неизбежно воспроизводят особенности общества, в котором наука существует. Поэтому институциональные факторы развития отечественной политической науки – это в значительной степени «слепок» с институциональной структуры российского общества и российской политической сферы в частности.

К институциональным факторам, влияющим на состояние политической науки, мы относим следующие: 1) общие правила научной деятельности; 2) стандарты проведения научных исследований и способы оценки научных результатов; 3) финансирование научной деятельности; 4) запрос общества на знания о политике; 5) запрос государства на экспертное мнение политологов; 6) приоритет фундаментальных либо прикладных знаний; 7) нормы и ценности научного сообщества (и отдельных групп внутри этого сообщества); 8) структуры самоорганизации политологического сообщества, координации, коммуникации и научного обмена; 9) традиции исследований в рамках сложившихся предметных областей; 10) опыт зарубежной политической науки, взаимодействие и взаимовлияние российских и иностранных политологов. В значительной степени эти факторы значимы не только для политической науки, но для российской науки в целом. Помимо этого, достаточно сложно анализировать каждый из этих факторов как отдельный, поскольку все они тесно переплетены и действуют преимущественно в совокупности. Ниже мы более подробно рассмотрим некоторые из этих факторов и попытаемся дать оценку их влиянию на развитие отечественной политологии.

* * *

К общим правилам научной деятельности относятся в первую очередь формальные правовые нормы, задаваемые законодательством конкретного государства. Необходимость этих норм очевидна: правовая регламентация является одним из условий успешного раз-

вития науки. В России их основным источником выступает Федеральный закон № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»¹, который «регулирует отношения между субъектами научной и (или) научно-технической деятельности, органами государственной власти и потребителями научной и (или) научно-технической продукции»². К нему примыкает закон о Российской академии наук как об основной организации, осуществляющей и координирующей научную деятельность³, а также закон об образовании⁴, вводящий категории «федеральный университет» и «национальный исследовательский университет», под которые подпадают учреждения, интегрирующие образовательную и научно-исследовательскую деятельность.

В этих документах закреплены: 1) признание науки социально значимой отраслью, определяющей уровень развития производительных сил государства; 2) принцип гласности и использование различных форм общественных обсуждений при выборе приоритетных направлений развития науки и техники и экспертизе научных и научно-технических программ и проектов, реализация которых осуществляется на основе конкурсов; 3) гарантия приоритетного развития фундаментальных научных исследований; 4) интеграция науки и образования в разных формах; поддержка конкуренции и предпринимательской деятельности в области науки и техники; 5) стимулирование научной, научно-технической и инновационной деятельности через

¹ Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О науке и государственной научно-технической политике» // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=330143&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.017921525558319225#06810948275390922> (Дата посещения: 11.10.2019.)

² Там же.

³ Федеральный закон от 27.09.2013 № 253-ФЗ (ред. от 19.07.2018) «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=302977&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.14648625587227548#09769856770072973> (Дата посещения: 16.10.2019.)

⁴ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об образовании в Российской Федерации» // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=330174&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.3488046617476417#05646519732140389> (Дата посещения: 16.10.2019.)

систему экономических и иных льгот; 6) развитие международного научного и научно-технического сотрудничества РФ и т.д.

Закон о науке дает определения разным видам научной деятельности и категориям тех, кто ею занят; определяет формы организации научной работы (бюджетные и автономные научные учреждения, академии), источники ее финансирования и прочее. Так, в рамках научной (научно-исследовательской) деятельности, определяемой как получение и применение новых знаний, выделяются следующие виды научных исследований: фундаментальные – экспериментальная или теоретическая деятельность, получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды; прикладные – преимущественно применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач; поисковые – исследования, направленные на получение новых знаний в целях их последующего практического применения (ориентированные научные исследования) и (или) на применение новых знаний (прикладные научные исследования) и проводимые путем выполнения научно-исследовательских работ. Научным результатом считается продукт научной деятельности, содержащий новые знания или решения.

Научная (научно-техническая) деятельность может осуществляться физическими лицами (как гражданами Российской Федерации, так и иностранными гражданами и лицами без гражданства) и юридическими лицами, если такая деятельность предусмотрена их учредительными документами. К физическим лицам, осуществляющим научную деятельность, относятся научные работники (исследователи) необходимой квалификации и профессионально занимающиеся такой деятельностью, специалисты научной организации, способствующие получению научного результата или его реализации, работники сферы научного обслуживания, обеспечивающие создание необходимых условий для научной деятельности в научной организации. Научными организациями считаются юридические лица независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, а также общественные объединения научных работников, осуществляющие научную деятельность в качестве основной.

Существующие формальные нормы в принципе очерчивают условия, позволяющие вести научную деятельность, – в том числе и в рамках политической науки. Но реальное правоприменение рождает ряд иных, неформальных, установлений – дьявол кроется в деталях

выполнения формальных норм. К тому же, по мнению юристов, состояние современного законодательства о науке и научно-технической деятельности не идеально, оно характеризуется сильной раздробленностью, отсутствием системности, отставанием от существующего правового массива по степени конкретизации и юридической технике, непоследовательностью (см.: [Берг, 2015]). Если в развитых странах основу конструирования законодательной базы в сфере науки составляет механизм совершенствования законов и подзаконных актов, то в России, наоборот, основной проблемой является выработка стратегии правового обеспечения научной деятельности – она ни политиками, ни юристами не выстроена [Берг, 2015, с. 27].

В частности, в действующий закон о науке с 1998 г. по настоящее время было внесено 57 поправок, которых, однако, оказалось недостаточно, чтобы соответствовать переменам, произошедшим в науке и в системе управления ею. Министерством науки и высшего образования РФ был подготовлен и представлен на публичное обсуждение проект нового закона «О научной и научно-технической деятельности в Российской Федерации», который, видимо, должен исходить из более ясной стратегии. В ее отсутствие принятие очередного закона мало что даст. Ключевым принципом законопроекта, по словам бывшего главы Минобрнауки М. Котюкова, является «обеспечение тесного взаимодействия науки, образования, бизнеса и государства»¹. Президент РАН А.М. Сергеев обоснованно заявил: «Сейчас нет спешки в принятии закона о науке, поскольку он ничего концептуально нового не принесет. Мы решили подождать год, увидеть результаты реализации Национального проекта. И с учетом новой системы координат решим, как должен выглядеть закон»².

Существенное влияние оказывает на нынешнее состояние политической науки и недавняя (и, по-видимому, еще не завершенная) реформа Российской академии наук. Несмотря на отсутствие в системе РАН профильного политологического института, значительное число ведущих российских политологов работают в академических институтах. Так, согласно базе данных Научной электронной библио-

¹ Минобрнауки начало обсуждение законопроекта по науке на краудсорсинговой платформе // ТАСС. – 2019. – 7 июня. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/6526893> (Дата посещения: 16.10.2019.)

² «Других ученых в стране нет» // Портал «Научная Россия». – 2019. – 1 октября. – Режим доступа: <https://scientificrussia.ru/articles/drugih-uchenyh-v-strane-net> (Дата посещения: 16.10.2019.)

теки «eLibrary.ru»), среди авторов, имеющих публикации по тематике «Политика. Политические науки», 180 человек аффилированы с Национальным исследовательским институтом мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 80 – с Институтом всеобщей истории РАН, 74 – с Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН, 70 – с Институтом Европы РАН, 60 – с Институтом США и Канады РАН¹. Безусловно, реформа Академии не могла не повлиять на условия работы этих ученых.

В сентябре 2019 г. по инициативе Президиума РАН был проведен онлайн-опрос действительных членов, членов-корреспондентов и профессоров РАН с целью выявления представлений научного сообщества об итогах реформы Российской академии наук, о влиянии реформы на Академию, на состояние российской науки и фундаментальных исследований в целом и в ее отдельных областях [Шесть лет реформы, 2019]. Опрошены были 161 действительный член РАН, 306 членов-корреспондентов РАН и 171 профессор РАН. Большинство респондентов опроса (60,7%) считают, что влияние реформы Академии на российскую науку было отрицательным или крайне отрицательным. Тех, кто отметил исключительно положительное влияние реформы, оказалось 0,42% (три человека из 638). Еще 5,5% заметили скорее положительное влияние. Кроме того, подавляющее большинство опрошенных (64,4%) признали, что за прошедшие шесть лет положение дел в российской науке в целом ухудшилось, причем более половины респондентов (56,8%) заявили также об ухудшении дел в «своих» научных областях, а еще 27% не увидели каких-либо изменений. В отделении общественных наук и в отделении глобальных проблем и международных отношений – в них входят академические институты, в которых работают политологи, – ухудшение отметили соответственно 29,2 и 20% респондентов, причем существенное ухудшение увидели 25% и отсутствие изменений – 37,5% респондентов-обществоведов по сравнению с 80% респондентов-глобалистов и международныхников, в то же время 8,3% обществоведов обнаружили улучшение.

¹ Следует, однако, отметить, что гораздо большее число политологов работают в университетах – прежде всего в МГИМО МИД России, МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, НИУ ВШЭ.

Реформа, по сути, лишила РАН статуса научной организации, ее основные виды деятельности не включают научные исследования, что по-новому ставит вопрос о соотношении науки и политики.

К *стандартам научных исследований* относятся требования, предъявляемые к квалификационным работам (прежде всего диссертациям на соискание научных степеней), научным проектам, заявкам на гранты, на участие в научных мероприятиях, публикациях. Рецензирование и экспертиза соответствующих работ также в целом регулируются формальными нормативными актами, но, поскольку они осуществляются преимущественно самими членами научного сообщества, здесь вновь возникает пространство для формирования неформальных норм и практик.

В соответствии с российским законодательством научный работник имеет ряд прав: на признание его автором научных и (или) научно-технических результатов и подачу заявок на изобретения и другие результаты интеллектуальной деятельности; получение доходов от их реализации; осуществление предпринимательской деятельности в области науки и техники; участие в научных дискуссиях, конференциях и других мероприятиях; получение на конкурсной основе финансирования для своих исследований (как из государственного бюджета, так и за счет фондов поддержки научной деятельности; участие в международном научном сотрудничестве; публикацию в открытой печати результатов научных исследований и многое другое. Одно из законодательно закрепленных прав ученого – право на объективную оценку своей деятельности и получение соответствующих вознаграждений, поощрений и льгот. В то же время закон налагает на научного работника обязанность объективно осуществлять экспертизу представленных ему научных программ, проектов, результатов научных исследований и экспериментальных разработок.

Оценка квалификации обеспечивается государственной системой научной аттестации, которая предусматривает присуждение ученых степеней кандидата наук и доктора наук, присвоение ученых званий доцента и профессора по научным специальностям в соответствии с номенклатурой. Но строгость процедур научной аттестации не означает отсутствия нарушений, к которым относят диссертационные нарушения, прежде всего плагиат в собственной диссертации; нарушения академической этики в научных публикациях (плагиат,

множественные публикации, «загадочное» авторство¹, подлог эмпирических данных; участие в оправдании диссертаций с плагиатом и подлогом эмпирических данных в диссертационных советах, экспертных советах, Президиуме ВАК; участие в защите диссертаций с плагиатом в качестве научного руководителя, консультанта, официального оппонента; наконец, распространение лженаучных идей, воззрений, доктрин, практик; представление ненаучных концепций под видом научных).

Применительно к политологии научные результаты проходят экспертизу, в частности, в рамках проектов, осуществляемых по грантам Российского научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований; при публикации статей в журналах соответствующего профиля (из которых наиболее высокие рейтинги имеют, в частности, «Полис. Политические исследования», «Мировая экономика и международные отношения», «Вестник МГИМО Университета», «Социология власти», «Политическая наука»); в рамках конкурса научных работ, проводимого Российской ассоциацией политической науки.

В настоящее время более 20 диссертационных советов (в институтах РАН, федеральных и региональных вузах) присуждают ученые степени по политическим наукам. По ряду причин в нашей стране так сложилось, что к получению ученых степеней стремятся отнюдь не только те, кто связывает свою профессиональную карьеру с наукой. Среди действующих политиков и чиновников разного уровня также немало кандидатов и докторов наук, и нередко качество их научных работ ставится под сомнение. Пожалуй, наиболее яркий пример последнего времени – ситуация, возникшая в весьма близкой к политологии науке – история, связанная с диссертацией министра культуры РФ В.Р. Мединского². Диссертация подверглась критике со стороны сообщества ученых-историков, были выявлены и процедурные нарушения в ходе ее защиты, однако несмотря на рекомендации экспертного совета Высшей аттестационной комиссии,

¹Пушкарев И., Полозов А. «Прямой плагиат, самоплагиат, загадочное авторство» // Интернет-газета Znak.com. – 2017. – 3 февраля. – Режим доступа: https://www.znak.com/2017-02-03/za_chno_nauchnyy_zhurnal_iz_ekaterinburga_popal_v_novuyu_bazu_dissermeta_i_teper_grozitsya_posadit_e (Дата посещения: 18.10.2019.)

²Казус Мединского: чем закончился спор из-за диссертации министра культуры // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/20/10/2017/59e972679a79474f4c4d7a12> (Дата посещения: 18.10.2019.)

президиум ВАК принял решение не лишать министра докторской степени. Таким образом, вненаучные интересы и ресурсы оказались весомее научных критериев.

В случае, если политик или госчиновник получает ученую степень именно в области политических наук, проблема соотношения научного и политического заостряется: не исключено, что помимо обычного «престижа», который придает ученая степень, научная квалификация может использоваться для придания большего веса принимаемых политических и управленческих решений. Между тем в базе данных сообщества «Диссернет», борющегося с фальсификациями и подлогами в научных исследованиях, обнаружилось несколько бывших и действующих руководителей российских регионов и депутатов Государственной думы, которые имеют степени по политическим наукам и диссертации которых эксперты сочли не соответствующими стандартам научности¹.

Специфический аспект стандартизации и оценки научных исследований – широкое использование в последние годы наукометрических показателей (индексов, рейтингов и т.п.). Однако практика сведения оценки научных результатов к количественным показателям критикуется представителями разных наук, а на общественные науки, в том числе на политологию, эта практика зачастую влияет негативно. Проблемы наукометрии – неспособность учесть различия между разными дисциплинами в том, что касается научных задач (очевидно, есть разница между исследованием, меняющим наши представления о свойствах материи, и исследованием, призванным обосновать принятие какого-либо политического решения) или форм представления научных результатов (разный «удельный вес» статей и монографий в разных областях науки). Также искажению наукометрических показателей способствует национальная и региональная специфика: политолог, занимающийся изучением российской политики, не только имеет меньше возможностей публиковаться в англоязычных журналах, но, возможно, и не заинтересован в этом. Все эти

¹ См., напр.: Боженов Сергей Анатольевич // Вольное сетевое сообщество «Диссернет». – Режим доступа: <https://www.dissernet.org/expertise/bozhenovsa2007.htm> (Дата посещения: 31.10.2019.); Казаков Алексей Валерьевич // Вольное сетевое сообщество «Диссернет». – Режим доступа: <https://www.dissernet.org/expertise/kazakovav2011.htm> (Дата посещения: 31.10.2019.); Шрейдер Виктор Филиппович // Вольное сетевое сообщество «Диссернет». – Режим доступа: <https://www.dissernet.org/expertise/shreydervf2006.htm> (Дата посещения: 31.10.2019.)

проблемы были зафиксированы еще в 2015 г. в так называемом Лейденском манифесте для наукометрии¹, однако работодатели российских политологов по-прежнему требуют от них повышения количественных показателей своей научной эффективности. По формальным результатам – удельный вес России в общемировом числе публикаций по политологии в научных журналах, индексируемых в Scopus и Web of Science, составил 4,06 и 1,83% в 2017 г., таким образом, в рейтинге стран по числу публикаций в Scopus российская политология вышла на 6-е место. Впрочем, в случае журналов Web of Science удельный вес политологии России составил только 1,83% (14-е место), и ее обошли все прочие общественные науки [Индикаторы науки, 2019, с. 229]. Трудно сказать, означает ли это приращение знаний в области политических наук или является только следствием недостаточного количества изданий в той или иной базе данных.

Характер взаимоотношений между политической наукой и государством – пожалуй, один из наиболее существенных факторов, определяющих состояние политической науки. Это, впрочем, справедливо и для науки как отрасли в целом. В последние годы взаимоотношения между российской наукой и российским государством складываются непросто.

В соответствии с законом о науке приоритетными целями государственной научно-технической политики являются развитие и эффективное использование научно-технического потенциала, увеличение вклада науки в развитие экономики и реализацию важнейших социальных задач. Государство берет на себя обязательства гарантировать приоритетное развитие фундаментальных научных исследований, обеспечивать ресурсами приоритетные направления развития науки, стимулировать научную деятельность через систему экономических и иных льгот, развивать инфраструктуру государственных научных учреждений. Несмотря на видимую рациональную обоснованность этих целей, далеко не все ученые понимают те долгосрочные цели, которые поставлены перед ними, о чем свидетельствуют данные опроса членов РАН. Очевидно, что одной из при-

¹ Лейденский манифест для наукометрии // В защиту науки. Бюллетень № 21 / отв. ред. Е.Б. Александров. – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2018. – С. 126–134. – Режим доступа: <http://klnran.ru/2018/05/opublikovan-byulleten-v-zashhitu-nauki-21/> (Дата посещения: 31.10.2019.)

чин такой ситуации является недостаточно активное участие ученых в разработке государственной научной политики (об этом заявили 73% респондентов опроса [Шесть лет реформы, 2019, с. 32]). Весьма показателен рассказ вице-президента РАН В.В. Козлова об участии Академии в разработке национального проекта «Наука»: нормативные документы «...нам... все-таки показали, но только после наших настоятельных обращений в министерство [науки и образования] и зачастую в готовом и даже утвержденном виде. Можно сказать, нас ставили перед фактом, ни в каких обсуждениях, дискуссиях мы не участвовали»¹.

Управление научной деятельностью должно осуществляться на основе сочетания принципов государственного регулирования и самоуправления. Последнее было заметно ослаблено реформой РАН. В условиях доминирования государственной бюрократии над научным сообществом развитие наук существенно тормозится. Это в первую очередь касается социально-гуманитарных наук, чьи результаты зачастую «нематериальны» и не могут быть непосредственно конвертированы в «инновационный потенциал», «прорывные технологии» и пр., но при этом могут существенно повлиять на мировоззрение и настроения граждан.

Многие исследователи открыто говорят² о конфликте верховной власти и научной среды в России, который заключается в том, что власть стремится усилить контроль над наукой, а ученые – отстаивать академические свободы. Причем этот конфликт не является исключительно современным феноменом, а длится на всем протяжении сосуществования российского государства и российской науки. Воспроизводство этого конфликта «связано с проблемой авторитета. Если власть имеет достаточный авторитет, если

¹ «У наших ученых возникло ощущение хаотичности и несправедливости» // Интернет-газета Znak.com. – 2019. – 8 февраля – Режим доступа: https://www.znak.com/2019-02-08/v_den_rossiyskoy_nauki_o_prichinah_ee_krizisnogo_polozheniya_intervyu_vice_prezidenta_ran_valeriya_k (Дата посещения: 29.10.2019.)

² См., напр.: [Торукало, 2012]; Госконтроль ограничивает академические свободы // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Научно-образовательный портал IQ. – Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/177669789.html> (Дата посещения: 09.11.2019.); *Абрамов А.* Власть и наука. Реформаторы из правительства своими руками создали новую оппозицию // Независимая газета. – 2013. – 13 ноября. – Режим доступа: http://www.ng.ru/science/2013-11-13/11_vlast.html (Дата посещения: 09.11.2019.)

власть пришла в результате законных выборов и регулярно происходит смена одного состава чиновников другим, также законно выбранным, то никаких причин для того, чтобы завидовать тем, кто имеет авторитет, у бюрократии нет»¹. Но для чиновника, чья позиция во властной структуре принципиально неустойчива и зависит не от знаний и квалификации, а от личных связей и начальственного произвола, авторитет ученого – это потенциальная угроза.

В отношении политической науки позиция власти двойственная: с одной стороны, это опасения обоснованных жестких оценок проводимой политики с точки зрения профессионалов, с другой – это стремление поставить политологическую экспертизу себе на службу, использовать ее для легитимизации «политической элиты» и продвижения ее интересов. И то и другое ограничивает роль политической науки в экспертизе политических проектов и тем самым подрывает основания современной политики (необходимо отметить, что отдельной проблемой в России является само наличие политических проектов и, соответственно, возможности политической науки каким-либо образом влиять на их формулирование, оценку и в известной мере имплементацию). Следуя логике приведенной выше цитаты, можно сказать, что неконкурентная политика порождает страх перед политической наукой как потенциальным конкурентом.

В процессе реформирования отечественной науки трансформируются *структуры финансирования научной деятельности*. По данным председателя Комитета по образованию и науке Государственной думы РФ доктора исторических наук, политолога В.А. Никонова, Россия критически отстает от развитых стран по размерам финансирования науки, и российская наука является единственной в мире, где уже третье десятилетие сокращается количество исследователей. От сокращения бюджетных ассигнований на науку напрямую зависит «отставание по тем параметрам, которые мы считаем приоритетными, которые определяют будущее страны»². Хотя внутренние затраты на исследования и разработки с 2000 по 2017 г. удвоились (в постоянных ценах), их доля по отношению к валовому внутреннему продукту мало изменилась – с 1,0 до 1,11% [Индика-

¹ Захаров В.Е. Какие услуги наука оказывает обществу? // В защиту науки. Бюллетень № 16 / отв. ред. Е.Б. Александров. – М., 2015. – С. 33.

² Депутат Госдумы высказался о проблемах с финансированием науки // РИА Новости. – 2019. – 7 ноября. – Режим доступа: <https://ria.ru/20191107/1560673765.html> (Дата посещения: 09.11.2019.)

торы науки, 2019, с. 82]. С такими показателями войти в пятерку стран по науке невозможно. При этом роста объема финансирования науки со стороны бизнеса также не происходит – в опросе членов РАН уменьшение такого финансирования отметили 45,8% респондентов из отделения общественных наук и 20% респондентов из отделения глобальных проблем и международных отношений (увеличение отметили 12,5 и 0% соответственно) [Шесть лет реформ, 2019, с. 16–17].

Важным фактором, требующим внимания со стороны государства, являются последствия проводимых преобразований, вектор которых в сфере науки нацелен на утверждение «академического капитализма» [Hackett, 2014; Jessop, 2018]. Его «темная сторона» отказывает науке в статусе общественного блага, требует от нее рыночной ориентации на инновации и прибыли, нередко в ущерб поиску нового знания. Между тем наука как социальный институт обладает наименьшим адаптивным потенциалом к такого рода преобразованиям.

Конкуренция социальных институтов по поводу финансовых потоков, влияния на экономику, политику и сознание, перестройка структуры науки на службу извлечения прибыли или, по крайней мере, экономии бюджетных средств, дифференциация науки на «прибыльные» и «неприбыльные» области – эти и другие факторы сложным образом, чаще негативно, воздействуют на институциональное развитие научной деятельности. Формируется принципиально новая, основанная на коммерческом интересе система функционирования науки. При этом текущий уровень развития рыночных институтов в России еще далеко не соответствует требованиям, предъявляемым к такой системе.

Непросто складываются и отношения между наукой и обществом. Усложнение решаемых наукой проблем и научного языка приводит к разрыву между наукой и «простым человеком», профаном: «Специальные знания выполняют важную социальную функцию: они фрагментируют общество, разделяют его на более знающих и менее знающих, создают когнитивные диссонансы, побуждают к проблематизации статус-кво, содержат проекты развития» [Касавин, 2016, с. 102]. Это в особенности справедливо применительно к политической науке, которая в случае своего развития не только исследует, но и формирует политическую сферу.

В современной России, несомненно, существует определенный *запрос общества на политические знания*, но его непросто оценить количественно и качественно. Данные различных социологических служб в последние годы неизменно фиксируют достаточно высокий интерес россиян к политике – в среднем около 50%. Однако это интерес специфический – интерес «зрителей», воспринимающих политическое «шоу» как нечто максимально удаленное от их «реальной жизни» и не ориентированных на активное вовлечение в политику (см.: [Конституирование современной политики в России, 2018, с. 172–173]). Такое восприятие политики не стимулирует интерес к политической науке, «рядовые граждане» довольствуются обыденными представлениями, а к политологам испытывают недоверие, считая их не столько экспертами, сколько пропагандистами (чему, безусловно, способствует тот факт, что в медийном пространстве «политологами» нередко выступают отнюдь не члены научного сообщества с соответствующими квалификациями и научными знаниями).

Как показатель уровня общественного запроса на результаты политической науки можно рассматривать разворачивание негосударственных аналитических структур, рост числа публикаций политологической литературы и периодики. Негосударственные исследовательские организации в немалом количестве возникали в 1990-х годах и в течение почти двух десятилетий активно функционировали и представляли результаты своей деятельности обществу. Однако в последние годы значительная часть этих структур была вытеснена на периферию общественного внимания, а некоторые и вовсе прекратили свою деятельность (по разным причинам, среди которых как финансовые проблемы, так и трудности взаимоотношений с государственными органами).

Что касается спроса на общественно-политическую литературу, то точных данных нет. Например, по продажам в отдельных магазинах в 2017 г. можно видеть, что наиболее популярными оказались не сугубо научные, а, скорее, публицистические издания – в частности, «Интервью с Путиным» Оливера Стоуна, книги политического журналиста и писателя Михаила Зыгаря («Вся кремлевская рать. Краткая история современной России», «Война и миф», «Империя должна умереть. История русских революций в лицах. 1900–1917»), политического публициста Николая Старикова и других авторов.

Необходимо упомянуть о *структурах самоорганизации политологического сообщества*. Право научных работников создавать на добровольной основе общественные объединения закреплено как законом о науке, так и законодательством Российской Федерации об общественных объединениях. Возникновение профессиональных объединений исследователей и всех тех, кто связан с получением и распространением научного знания, является одним из ключевых показателей институционализации любой научной дисциплины.

Для развития российской политологии ключевое значение имеет деятельность Российской ассоциации политической науки – старейшего (в 1991 г. РАПН стала правопреемницей Советской ассоциации политических наук, созданной в 1960 г.) и наиболее представительного (в настоящее время Ассоциация насчитывает более 1000 членов) объединения политологов в нашей стране. Учитывая мировой опыт, РАПН пошла по пути расширения своих рядов за пределы столичных исследовательских организаций, формирования региональных структур, а также внутреннего развития – создания исследовательских комитетов, молодежной структуры и т.д. Это оказало значительное влияние не только на установление профессиональных связей и структурирование политологического сообщества, но и на дифференциацию и профессионализацию исследований, и тем самым на содержательное развитие политического знания.

Помимо РАПН существуют и другие профессиональные политологические объединения – Академия политической науки (межрегиональная самоуправляемая некоммерческая общественная организация, учреждена в 1995 г.), Российское общество политологов (общероссийская общественная организация, создана в 2013 г.)

Формирование структур, позволяющих развивать внутри- и межотраслевые исследования (например, политико-социологические, исследования в области публичной политики и пр.), проводить научные мероприятия, издавать совместные работы, наряду с очевидными позитивными эффектами может иметь и негативные последствия. В частности, способствовать монополизации производства знаний, когда узкий круг исследовательских организаций концентрирует ресурсы и усиливает влияние на всем пространстве производства знания и инноваций, что приводит к

деформации демократической функции системы исследований и образования – функции развития знания, повышения благосостояния и утверждения человеческой свободы, способности науки быть независимой моральной силой в современном обществе.

Парадоксальным следствием укрепления и локализации научных связей может стать появление закрытых профессиональных сообществ и фрагментация исследовательского поля. В этом же направлении может действовать традиция исследований в рамках сложившихся предметных областей (электоральные исследования, исследования элит и пр.) и устойчивость структур научного сотрудничества как фактор воспроизводства предметного поля.

Наконец, необходимо упомянуть о факторах *рецепции и реинтерпретации мирового политического знания*, интеграции российских политологов в международное научное сообщество. В целом невысокий уровень влияния российских ученых на состояние мировой политической мысли нередко объясняют «молодостью» отечественной политологии. Можно услышать даже утверждения о том, что политическая наука в России не существовала до начала 1990-х годов.

Действительно, официальное признание политологии как науки в нашей стране произошло только в конце 1980-х годов, когда в номенклатуру специальностей научных работников были включены специальности по политическим наукам и были созданы первые соответствующие диссертационные советы. Однако было бы неправомерным утверждать, что политологическое знание в Советском Союзе не развивалось, более того, советская политическая наука, даже будучи лишенной официального «имени», отнюдь не была изолирована от мировой политической науки. Так, еще до создания Советской ассоциации политических наук отечественные ученые принимали активное участие в работе Международной ассоциации политической науки. Советские исследователи также имели возможности (пусть и ограниченные) знакомиться с актуальными направлениями зарубежной политической мысли и представлять за рубежом результаты собственных исследований.

В первые постсоветские годы освоение западных политологических концепций существенно активизировалось. Были переведены и изданы многие основополагающие труды зарубежных исследований, интенсифицировались контакты отечественных ученых с иностранными коллегами. Вместе с тем «вопрос о воз-

возможности и желательности переноса на российскую почву практики западных демократий и тех теоретических моделей, которые этот процесс описывают, во многом стал водоразделом между разными школами в российской политологии, в том числе и в оценке уровня развития отечественной политической науки» [История Российской ассоциации политической науки, 2015, с. 128]. Действительно, в 1990-х годах западные теоретические модели зачастую «механически» применялись для анализа российской политической реальности, воспринимались некритически, а подходы, разрабатываемые в советский период, так же некритически отвергались. Между тем плодотворная рецепция зарубежного научного опыта возможна лишь в том случае, когда на его основе вырабатываются новые, оригинальные подходы и концепты.

В результате произошла не столько интеграция российской политической науки в мировую, сколько ее «колонизация», провинциализация. По мнению респондентов упоминавшегося выше опроса академиков РАН, российские ученые удерживают паритетный уровень исследований с ведущими «научными» странами, в случае же математических, химических, биологических, а также историко-филологических наук – даже несколько их опережают. Однако существенная доля респондентов, представляющих отделения общественных наук и глобальных проблем и международных отношений, констатируют отставание отечественных ученых – 45,8 и 60% соответственно [Шесть лет реформы, 2019, с. 12–14]. В политической науке немалую роль, безусловно, сыграл дефицит ресурсов, испытываемый политологами в пореформенной России. Сложилась парадоксальная ситуация: слом идеологических барьеров и открытость международной научной коммуникации создали предпосылки для более интенсивного взаимодействия отечественных ученых с зарубежными коллегами, но возможности такого взаимодействия оказались ограничены финансовыми трудностями.

В целом тенденции и проблемы развития российской политической науки в настоящее время лежат в той же плоскости, что и проблемы науки в России в целом. Их специфика во многом определяется объектом и предметным полем политической науки, по отношению к которым она не может выступать исключительно в качестве нейтрального «стороннего наблюдателя». Представляется, что необходимость выстраивать систему взаимодействий с весьма

своеобразной российской политической сферой, с деполитизированным обществом и не вполне политической властью будет в ближайшее время определять направление и характер развития политической науки в России.

Список литературы

- Берг Л.Н.* Проблемы законодательного обеспечения научной деятельности в России // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1(50). – С. 25–31.
- Демина Н.В.* Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм // Социологический журнал. – 2005. – № 4. – С. 5–47.
- Индикаторы науки: 2019: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.Л. Дьяченко и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 328 с.
- История Российской ассоциации политической науки / под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 360 с.
- Касавин И.Т.* Философия науки и политическая философия: новое партнерство // Политическая концептология: журнал мегадисциплинарных исследований. – 2016. – № 1. – С. 92–104.
- Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 262 с.
- Соловьев А.И.* Мозаичная парадигматика российской политологии // Полис. Политические исследования. – 1998. – № 4. – С. 5–20.
- Торукало В.П.* Наука и власть в современном обществе // Власть. – 2012. – № 5. – С. 74–77.
- Шесть лет реформы Российской академии наук: результаты и перспективы преобразований. Краткий аналитический отчет по результатам опроса академиков, членов-корреспондентов и профессоров РАН. – М., 2019. – 33 с. – Режим доступа: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=232b8824-473e-4d77-8554-937a97b87ad7> (Дата посещения: 16.10.2019.)
- Hackett E.* Academic capitalism // Science, technology & human values. – 2014. – Vol. 39, N 5. – P. 635–638. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0162243914540219>
- Jessop B.* On academic capitalism // Critical policy studies. – 2018. – Vol. 12, N 1. – P. 104–109. – DOI: <https://doi.org/10.1080/19460171.2017.1403342>

S.V. Patrushev, L.E. Philippova*
**Institutional factors of political science's condition in Russia:
general characteristics and problems**

Abstract. In the article, the institutional context is analyzed, within which Russian political science exists at the contemporary stage of its development. Science in general and political science in particular are regarded as a social institution and as a cultural phenomenon, whose condition is linked inextricably with the processes unfolding within society and within state. A number of institutional factors influencing practices of scientific enterprise have been identified – formal norms and informal rules according to which science functions; professional standards; the character of relationship between science and state, as well as between science and society; structures of scientific community's self-organization; relations with international science. The specifics of these factors' impact in the case of Russian political science is demonstrated.

Keywords: political science; political studies; science and authorities; science and society; politics; institutions; institutional factors; regulation of scientific enterprise.

For citation: Patrushev S.V., Philippova L.E. Institutional factors of political science's condition in Russia: general characteristics and problems. *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 13–34. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.01>

References

- Berg L.N. Problems of legislative guarantees of scientific activities in Russia. *Actual Problems of Russian Law*. 2015, N 1(50), P. 25–31. (In Russ.)
- Constituting of contemporary politics in Russia: institutional problems*. Ed. by S.V. Patrushev, L.E. Philippova. Moscow: «Political Encyclopedia» Publishing House, 2018, 262 p. (In Russ.)
- Demina N.V. Ethos of science: Merton and others in search of social geometry of norms. *Sociological Journal (Sotsiologicheskij Zhurnal)*. 2005, N 4, P. 5–47. (In Russ.)
- Hackett E. Academic capitalism. *Science, Technology & Human Values*. 2014, Vol. 39, N 5, P. 635–638. DOI: <https://doi.org/10.1177/0162243914540219>
- History of Russian political science association*. Ed. by S.V. Patrushev, L.E. Philippova. Moscow: «Aspect Press» Publishing House, 2015, 360 p. (In Russ.)
- Indicators of science: 2019: statistical compilation / L.M. Gokhberg, K.A. Ditkovsky, E.L. Dyachenko et al.; National Research University «Higher School of Economics». Moscow: HSE, 2019, 328 p. (In Russ.)

* **Patrushev Sergey**, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia); Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russia), e-mail: servpatrushev@gmail.com;
Philippova Liudmila, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia); Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russia), e-mail: ludmila_filippova@hotmail.com

- Jessop B. On academic capitalism. *Critical policy studies*. 2018, Vol. 12, N 1, P. 104–109. DOI: <https://doi.org/10.1080/19460171.2017.1403342>
- Kasavin I.T. Philosophy of science and political philosophy: a new partnership. *The political conceptology: journal of metadisciplinary research*. 2016, N 1, P. 92–104. (In Russ.)
- Six years of Russian academy of sciences' reforms: results and perspectives for transformations*. A brief analytical report on the results of RAS full members', corresponding members', and professors' poll. Moscow, 2019, 33 p. Mode of access: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=232b8824-473e-4d77-8554-937a97b87ad7> (accessed: 16.10.2019). (In Russ.)
- Solovyov A.I. The patchy paradigmatics of Russian political science. *Polis. Political Studies*. 1998, N 4, P. 5–20. (In Russ.)
- Torukalo V.P. Science and power in the modern society. *Power (Vlast')*. 2012, N 5, P. 74–77.